

Цзюнь Цзышу кивнула: срок жизни взрослых светлячков составляет всего от пяти дней до двух недель, а на дворе уже конец лета, так что времени у них почти не осталось.

— Как же всё-таки хорошо быть человеком, — легко вздохнула Нин Цинхуань.

Цзюнь Цзышу молча посмотрела на неё, ничего не отвечая.

Обе вместе отправились умываться, а после водных процедур сладко и крепко уснули.

Пятый принц всё никак не оставлял попыток восстановить прежние близкие отношения с Нин Цинхуань, однако та практически не обращала на него внимания.

Для Нин Цинхуань это значило одно: пока Пятый принц не прекратит общение с Пэй Сююнь, она ни за что не вернется к прежнему общению с ним. Впрочем, произносить подобные слова вслух она считала ниже своего достоинства, поскольку от них неизменно веяло попытками посеять раздор. К тому же, даже если бы Пятый принц поддался её давлению и расстался с Пэй Сююнь, это всё равно не было бы искренним. Кто знает, быть может, на словах он бы улыбался, а в душе затаил обиду — подобный результат её совершенно не устраивал.

Более того, если бы она поставила такое условие и Пятый принц действительно исполнил его, она бы только презрительно усмехнулась про себя: если чувства можно вот так запросто отбросить, грош им цена.

Даже если бы это делалось ради великой цели, на душе у Нин Цинхуань всё равно скребли бы кошки.

Она могла бы восхититься подобной решительностью и жесткостью, но одобрить и оценить их по достоинству — никогда.

Получив отказ в приглашениях несколько раз подряд и поняв, что Нин Цинхуань лишь увиливает, Пятый принц перестал навязываться и больше не звал её.

Цзюнь Цзышу проводила дни в праздности и спокойствии, встречая своё четырнадцатилетие.

Домашние прислали ей подарки к дню рождения, и Нин Цинхуань снова преподнесла ей нефритовый кулон.

Впрочем, этот подарок отличался от прежних: он представлял собой пару парных подвесок в виде уток-мандаринок. Когда их соединяли, получалось небольшое колечко с резной серединкой, а если разделить — два серпа-месяца.

Одна половина висела на поясе у Цзюнь Цзышу, а вторая — у Нин Цинхуань.

Тело Цзюнь Цзышу перестало быть болезненным и хрупким и с каждым днем крепло всё больше.

Благодаря Нин Цинхуань, хотя Цзюнь Цзышу приходилась в доме всего лишь дальней родственницей, в еде, одежде и предметах обихода она не испытывала ни малейшей нужды — всё было наивысшего качества, ничем не хуже, чем у настоящих госпож.

За весной пришло лето, и лотосы в пруду снова раскинули свои широкие листья.

Цзюнь Цзышу сидела в прохладной беседке и спасалась от жары освежающим, вкусным сливовым отваром, мысленно удивляясь тому, как быстро летит время: незаметно прошел

целый год с тех пор, как она оказалась здесь.

За этот год прогресс в выполнении задания оказался огромным, и сама она была более чем довольна достигнутыми целями.

Стоило Цзюнь Цзышу подумать о Нин Цинхуань, как послышался её голос:

— Сяо Ваньэр, дай скорее сделать глоток, умираю от жажды! Девушка в красном стремительно подбежала, словно налетевший порыв ветра.

— Сестрица, увидишь тебя матушка в таком виде, снова начнет бранить.

Цзюнь Цзышу улыбнулась и протянула Нин Цинхуань свою чашку. Наблюдая, как та, совершенно забыв о девичьем изяществе, в несколько жадных глотков осушила её, она поднялась на место и аккуратно промокнула платком уголки её рта.

— Всё равно она этого не видит.

Нин Цинхуань стояла неподвижно, позволяя Цзюнь Цзышу приводить её в порядок, и лишь легонько смахнула тыльной стороной ладони пот со лба.

Стоявшая рядом служанка выглядела так, будто происходящее было для неё в порядке вещей. Сначала подобные сцены казались ей удивительными, но со временем она привыкла: отношения между барышней и дворовой сестрицей были поистине прекрасными. Барышня вечно куда-то мчалась вихрем, а дворовая сестрица следовала по пятам, то утирая ей пот, то поднося воды, — вылитая преданная и заботливая молодая жена.

— Ступай умойся, а я попрошу служанок подать еще две чашки супа.

— Хорошо.

Нин Цинхуань вновь упорхнула с легким ветерком — она только что вернулась с тренировки по владению мечом и вспотела с ног до головы.

Цзюнь Цзышу думала о том, что родись Нин Цинхуань в какой-нибудь цзянхуской школе боевых искусств, её жизнь наверняка была бы еще более свободной и бурной. Возможно, она стала бы прославленной воительницей-меченосцем, а не тратила бы свои дни в стенах этого знатного особняка.

Впрочем, нынешняя жизнь Нин Цинхуань тоже была неплоха. Она обладала невероятной уверенностью в себе и никогда не предавалась мыслям о том, как хорошо было бы обрести еще большую свободу или родиться мужчиной. Ей нравилось быть женщиной, и она наслаждалась своей жизнью: занималась боевыми искусствами, постигала науки, училась вести хозяйство и жила в своё удовольствие.

Цзюнь Цзышу любила таких уверенных в себе людей, ведь от них исходила заразительная, устремленная вверх энергия.

Служанка принесла еще две пиалы сливового супа, и Цзюнь Цзышу приложила ладони к посуде, наслаждаясь прохладой.

Время, о котором она договорилась с Четвертым принцем, подходило к концу.

Буквально через несколько дней Четвертый принц должен был выступить в поход против бандитов, а спустя добрых полмесяца, следуя предначертанному судьбой пути, он погибнет на обратном пути.

Со стороны двора вспорхнула белоснежная птица и, трепеща крыльями, влетела в комнату, опустившись прямо перед Цзюнь Цзышу.

Она звонко чирикала, выглядя необычайно живой и милой.

Цзюнь Цзышу отвязала собственный ароматный мешочек-саше и положила его на стол, а птица легким, изящным движением опустилась на него.

Заметив на лапке птицы крошечный привязанный сверток бумаги, Цзюнь Цзышу развернула его, прочитала записку и бросила её в воду.

Стоявшая рядом служанка потупила взор, вид у неё был такой, будто она абсолютно ничего не замечала. Несколько дней назад, когда Цзюнь Цзышу и Нин Цинхуань шли по улице в толпе народа, прежде чем Цзюнь Цзышу успела сообразить, что к чему, кто-то сунул ей в руку какую-то вещь.

Это был простой и красивый ароматный мешочек с приятным запахом, от которого на душе становилось очень легко.

Цзюнь Цзышу развязала мешочек и, даже не прибегая к помощи Сяо Хуасянь, сразу поняла, кто прислал ей эту вещь.

Его прислал Четвертый принц. В записке говорилось, что им, пожалуй, стоило бы встретиться, но не было указано ни времени, ни места.

И вот сегодня они воспользовались столь необычным способом, чтобы передать время и место их встречи.

Признаться, это было довольно романтично. Цзюнь Цзышу выпустила белую птицу в небо, задумчиво прищурившись. Четвертый принц всегда держал с ней ровную, ненавязчивую

дистанцию, что было очень приятно, к тому же он мастерски умел ухаживать за девушками.

Вот только жаль: Цзюнь Цзышу он не нравился, да и его внимание ей было ни к чему.

Четвертому принцу исполнилось семнадцать, у него уже была жена, да и вдобавок он совсем не соответствовал ее вкусу. Общаться с ним как с другом было вполне неплохо, но на большее рассчитывать не стоило.

Стоит ли рассказать об этом цели задания?

Конечно. Моя драгоценная сестрица больше всего на свете ненавидит, когда от нее что-то скрывают, особенно если это делаю я.

У Нин Цинхуань была довольно сильна жажда контроля над близкими людьми, ей не нравилось, если у Цзюнь Цзышу от нее были секреты.

К тому же рассказать обо всем Нин Цинхуань было даже к лучшему. Если бы та узнала обо всем позже, это создало бы лишние хлопоты, а Цзюнь Цзышу не хотела, чтобы между ними возникали какие-либо недомолвки.

Хозяйка, почему бы тебе не использовать те же уловки, что и с Четвертым принцем, чтобы провести цель задания? Если сослаться на смутные предчувствия прошлых и нынешних жизней, то почему бы просто не заявить, что ты переродилась? Это объяснило бы, почему вы так близки и почему тебе так сильно хочется изменить ее судьбу, тем более что такое объяснение можно применять в любом мире!

Сяо Хуасянь воодушевлялась с каждым словом и искренне считала себя невероятно смысленной.

Хлопотно.

А?

Это предложение звучит неплохо, но на практике с ним слишком много заморочек. Ведь далеко не все вокруг глупы, к тому же это повлечет за собой массу ненужных осложнений.

Проще говоря, стоит соврать один раз, как потом придется бесконечно придумывать новые лживые истории, чтобы прикрыть прежние. Я считаю, что у меня неплохие мозги, но и недооценивать чужой интеллект я тоже не собираюсь. Если кто-то искренне и от всего сердца относится к другому человеку хорошо, тот обязательно это почувствует. Стоит лишь подобрать правильный подход — да, она действительно умела играть роли и прекрасно пускала пыль в глаза, но лгать она не любила.

Цзюнь Цзышу потёрла переносицу. Расставлять ловушки для неприятных людей — это было забавно, плести паутину лжи для незнакомцев — необходимо ради достижения цели, но с близкими людьми Цзюнь Цзышу лишь тонко и деликатно подыгрывала.

— Сяо Хуасянь, не стоит рассчитывать на легкие обходные пути.

— Хотя мне всё ещё не до конца понятно, но раз уж всеми практическими делами ведаете вы... Цель вашей миссии уже в пяти метрах.

Цзюнь Цзышу уже заметила шедшую к ней Нин Цинхуань, которая сменила наряд. Махнув рукой, она отогнала стоявшую рядом прислугу и заново привязала к поясу лежавший на столе ароматный мешочек.

В конце концов, она и сама явилась сюда с самыми благими намерениями ради этих людей. Переведи её сейчас в какой-нибудь другой отдел, Цзюнь Цзышу ни за что не стала бы так с ходу отвергать предложение Сяо Хуасянь, как только что.

Однако в тот момент Цзюнь Цзышу ещё не знала, что если отдавать кому-то всю свою заботу и душу без остатка, это с легкостью приучает человека к бесконечным требованиям.

Этот человек станет всё меньше чувствовать насыщение и всё сильнее поддаваться жадности — до тех пор, пока не получит абсолютно всё. Нин Цинхуань села в беседке и больше не пила так спешно, как только что, а стала медленно черпать суп ложкой, вернув себе осанку и манеры благородной девицы.

Цзюнь Цзышу тоже пила неторопливо. В сливовом супе попадались кусочки мякоти, он прекрасно утолял жажду и стимулировал выработку слюны, но был слегка кисловат. Цзюнь Цзышу не очень жаловала кислинку, поэтому просто осторожно слизывала его с ложки.

Нин Цинхуань наблюдала за тем, как Цзюнь Цзышу капля за каплей слизывает суп, как нежно-розовый кончик язычка легко касается белой фарфоровой ложки, и ее уголки губ приподнялись в улыбке.

Сестрица Ваньэр была поистине до невозможности милой.

— Сестрица, я хочу кое о чем поговорить с тобой.

— Мм-м, говори, я слушаю.

— Сегодня днем я хочу сходить в чайную и встретиться с Четвертым принцем, можно?

— Ты хочешь с ним встретиться? Почему? Когда вы успели договориться?

Лицо Нин Цинхуань мгновенно изменилось, она нахмурилась и принялась расспрашивать.

— Мы просто очень давно не виделись, поэтому он попросил о встрече. Он сказал мне, что, похоже, совсем скоро покинет Столица, и хочет, чтобы я пришла проводить его.

Цзюнь Цзышу отвечала так, будто делала это через силу, а ее голос звучал нерешительно и с запинками.

Нин Цинхуань сама не понимала, почему ее грудь вдруг наполнилась приступом ярости, которую, однако, было совершенно некуда выплеснуть. Какая связь между вами? Почему ты пошла провожать его, когда он уезжал? Какое вообще отношение имеет к тебе его отъезд? Зачем ему понадобилось, чтобы именно ты пришла с ним проститься?

Вопросы один за другим теснились в груди, но Нин Цинхуань не могла произнести их вслух, потому что знала, какой ответ ей даст Цзюнь Цзышу, если она их задаст.

Они даже не близки к тому, чтобы считаться обычными друзьями, и всё же Четвертый принц пожелал, чтобы она пришла проводить его.

Нин Цинхуань помрачнела и ничего не ответила.

Цзюнь Цзышу не понимала, почему ее старшая кузина так недолгоблывает Четвертого принца. Ведь в самом начале, когда он спас их, первое впечатление о нем было вполне хорошим. Но почему-то потом оно испортилось донельзя, и теперь они почти не поддерживали никаких контактов.

Неужели всё еще сказывалось прежнее дурное влияние Пятого принца? Вряд ли.

Как ни ломала голову Цзюнь Цзышу, она не могла найти истинную причину и в конце концов решила, что, судя по всему, у Нин Цинхуань и Четвертого принца просто не совпадают характеры.

Цзюнь Цзышу уже давно отказалась от мысли свести их вместе: Нин Цинхуань Четвертый принц не нравился, а тот, в свою очередь, не испытывал к Нин Цинхуань подобных чувств. Хотя в будущем он, возможно, и стал бы добиваться ее расположения из каких-нибудь властных соображений, Цзюнь Цзышу не могла быть уверена, что именно такая жизнь нужна Нин Цинхуань и что в конце концов она обретет счастье.

— Сестрица, мы же просто пойдем проводим его.

— С каких это пор ваши отношения стали настолько близкими, что тебе понадобилось его провожать?

— Разве Четвертый принц не спасал меня дважды? Мне кажется, он неплохой человек, а потом мы случайно сталкивались еще несколько раз. На мой день рождения он даже прислал мне подарок, так что нас вполне можно назвать друзьями. Пусть он сам, возможно, так и не считает, но раз уж он попросил меня прийти и проводить его, давай сходим, сестрица, ну пожалуйста?

Цзюнь Цзышу потянула Нин Цинхуань за руку, слегка покачивая ее, и принялась ласково и капризно просить.

— Тогда я пойду с тобой.

— Ну конечно же!

Эй-эй? Хозяйка, разве ты не собиралась обвести Четвертого принца вокруг пальца? Цель миссии увязалась следом, и что ты теперь будешь делать?

Это не проблема, выход найдется.

— Все же пока не стоит сближаться с Четвертым принцем, хотя мы все еще перед ним в долгу.

Нин Цинхуань постучала пальцем по столу. Раз уж они не собирались примыкать к лагерю Пятого принца, их семье следовало и дальше придерживаться нейтралитета, сохраняя выжидательную позицию, а для начала — посмотреть, как обстоят дела у Наследного принца.

— Угу, угу.

— Сяо Ваньэр, я недовольна. Когда это вы успели с ним столкнуться раньше?

— Я уже и не помню. Короче говоря, встречались несколько раз. Ты покорми меня сливовым супом, заставь меня улыбнуться.

Нин Цинхуань на душе всё еще было нехорошо, и она указала на пиалу Цзюнь Цзышу.

— Тогда давай я покормлю сестрицу твоей, а моя эта ложка...

Цзюнь Цзышу вспомнила, как слизывала с нее, и на этой ложке определенно осталась вся ее слюна.

— Нет, хочу пить именно из твоей.

— Тогда я воспользуюсь твоей ложкой...

— Нет, именно твоей.

— Ладно-ладно, раз уж ты сама не брезгуешь.

Цзюнь Цзышу поднесла ложку ко рту, и Нин Цинхуань с улыбкой выпила.

— Ты тоже пей, давай пить вместе.

— Хорошо.

На этот раз Цзюнь Цзышу не стала медлить и решительно отправила ложку себе в рот. Нин Цинхуань наблюдала за тем, как Цзюнь Цзышу сглатывает, и ее улыбка стала чуточку ярче.

Передавая друг другу ложку, они вдвоем, выказав глубокие сестринские чувства, прикончили обе пиалы кислого сливового супа.

Моя кузина-генерал

Местом встречи с Четвертым принцем был выбран чайный дом, и Цзюнь Цзышу, проведя Нин Цинхуань, поднялась прямо на третий этаж.

Меры конфиденциальности на третьем этаже чайного дома были на высоте, что прекрасно подходило для бесед, хотя звукоизоляция оставалась так себе.

— И мисс Нин тоже здесь.

Заметив вошедшую Нин Цинхуань, Четвертый принц застыл в лице и вопросительным взглядом уставился на Цзюнь Цзышу, молча спрашивая, что это значит.

— Что такое? Четвертый принц считает, что мне здесь не место? Позволить нашей Сяо Ваньэр выйти из дома одной и встречаться с мужчиной с глазу на глаз — как я могла такое допустить? Вы ведь со мной согласны?

— Мисс Нин абсолютно права.

Все трое сели за стол, но Четвертый принц, озабоченный своими мыслями, то и дело бросал взгляды на Цзюнь Цзышу.

Нин Цинхуань делала вид, будто ничего не замечает, и невозмутимо восседала на своем месте.

— Разве вы не говорили, что пришли проводить в путь? Почему же вы оба молчите?

Нин Цинхуань отпила чаю и посмотрела на Цзюнь Цзышу.

Цзюнь Цзышу бросила на Четвертого принца взгляд, призывающий не спешить, обняла Нин Цинхуань за руку и тихонько зашептала ей на ухо:

— Сестрица, посиди пока в карете, я скоро, совсем скоро вернусь.

Нин Цинхуань нахмурилась, но Цзюнь Цзышу легонько поцарапала ее ладонь изнутри и посмотрела на нее умоляющим взглядом.

Делать было нечего, и Нин Цинхуань, сжав зубы, поднялась с места и направилась к выходу.

— Моя сестрица услышала, что я собираюсь выйти, и наотрез отказалась оставаться дома.

Цзюнь Цзышу показала язык и виновато улыбнулась Четвертому принцу.

— Ничего страшного. Ты помнишь то, о чем мы говорили с тобой раньше?

— Разумеется. Четвертый принц на самом деле сомневался, не веря до конца, и не принимал всё это близко к сердцу — просто слова маленькой девочки казались ему немного странными и туманными, но уж слишком тверда была ее уверенность в том, что нынешним летом с ним случится нечто грандиозное.

Четвертый принц, конечно, понятия не имел, что именно с ним может произойти, но когда два дня назад его вызвали во дворец и огласили назначение, он тут же вспомнил то, о чем говорила ему Цзюнь Цзышу.

На самом деле Четвертый принц и сам не понимал, что за смысл вкладывал его Августейший отец, отправляя его подавлять бунт. С одной стороны, успешное выполнение такого поручения сулило добрую славу и было делом хорошим, но ведь старший брат все еще находился в столице, и Император вряд ли стал бы продвигать кого-то другого. Связав это с предсказанием Цзюнь Цзышу о том, что грядущим летом он попадет в беду, Четвертый принц начал излишне тревожиться. А вдруг в этой поездке кроется какой-то подвох? Долго раздумывая и несколько ночей подряд не смыкая глаз, он так истосковался по определенности, что не преминул тут же пригласить ее на встречу.

— Не могла бы сестрица Ваньэр рассказать обо всем поподробнее?

— На самом деле я и сама не знаю, откуда берутся те беспричинные картины, что возникают в моем сознании. Раньше такого никогда не было, но с тех пор, как мы случайно встретились взглядами в том чайном доме, в голове стали внезапно всплывать обрывочные видения. И чем ближе ты к мне находишься, тем яснее они становятся. С другими людьми такого никогда не случалось.

Цзюнь Цзышу нахмурила брови, выглядя совершенно растерянной и недоумевающей.

— Я вижу тебя в тот момент, когда ты, облаченный в доспехи и верхом на коне, выезжаешь во главе отряда. Куда именно вы направляетесь, я не знаю.

Закрыв глаза, Цзюнь Цзышу описывала всё так, будто заново переживала воспоминания.

— А еще я вижу, как ты сражаешься с кем-то. Вы побеждаете, и ты возвращаешься во главе людей... Погодите-ка... Кажется, ты ранен. Я снова вижу множество людей — должно быть, это простые простолюдины. Ты останавливаешься на привал, а потом заболеваешь.

Множество людей, суета и паника... Ты лежишь на постели, бледный и изможденный, с закрытыми глазами...

Цзюнь Цзышу открыла глаза, и выражение ее лица было сложным.

— Каждый раз, когда я встречаю тебя, в моем воображении всплывает то, как ты выглядишь истощенным, с закрытыми глазами и застывший без всяких признаков жизни.

Лицо Четвертого принца помрачнело от рассказа Цзюнь Цзышу. Она описывала всё настолько живо, что он и сам невольно представил, как лежит на смертном одре.

Просто напасть какая-то.

— Можешь рассказать подробнее? Или, может, ты знаешь, как избежать подобного исхода?

— Я постараюсь.

Цзюнь Цзышу закрыла глаза, словно пытаясь изо всех сил вспомнить увиденное.

Сяо Хуасянь, не забывай внимательно следить за изменениями в выражении лица Четвертого принца.

[Всё абсолютно под контролем, никаких проблем! Сейчас он выглядит несколько встревоженным, но, судя по всему, подозрений у него нет.]

— Мне кажется, я видела камень, и на нем было высечено что-то вроде... знака мира — слово «мир» или «покой». Он стоит на дороге, по которой ты будешь проезжать. Видимо, в том месте свирепствует эпидемия. Если Четвертый принц проедет там, пусть немедленно скачет прочь. В том видении, что я наблюдала, ты заболел именно потому, что получил ранение и остановился в том селении. Если ты туда не поедешь, ничего страшного случиться не должно, — тихо проговорила Цзюнь Цзышу.

— Я запомнил.

— Четвертый принц и впрямь мне верит?

— Уж лучше поверить, чем нет. Во всяком случае, от веры убытку не будет, а уж потом проверим, правда это или нет.

— Мгм.

Судя по всему, на этом беседа должна была подойти к концу, но нет — она еще не закончилась.

— На самом деле я почувствовала кое-что еще, но не знаю, стоит ли об этом говорить.

Цзюнь Цзышу замялась, выглядя крайне нерешительно.

— О чем речь?

— Это очень важная вещь, она касается будущей судьбы здешних мест. Я не знаю, верны ли мои предчувствия, и не решаюсь говорить об этом в открытую.

— Говори. Я никому и никогда не проговорюсь, — с уверенной интонацией произнес Четвертый принц, уже догадываясь о чем-то.

— Этот человек впоследствии поднимется наверх, и окончательным победителем станет он.

Цзюнь Цзышу раскрыла ладонь и показала пять пальцев.

— Вообще-то я так и предполагала. Не такой уж он и простой простак, хотя судя по тому, что мы видим сейчас, ума в нем маловато — подумать только, умудрился рассориться с ней. Впрочем, тут наверняка не обошлось и без твоего участия.

Четвертый принц кивнул на дверь, и в его взгляде читался глубокий смысл.

— Разве герои способны устоять перед чарами красавиц? К тому же я действовала исключительно во благо четвертого братца, — невинно отозвалась Цзюнь Цзышу.

Четвертый принц прищурился, словно разглядев, что Цзюнь Цзышу вовсе не является безобидным и чистым ангелочком.

— Почему ты решила мне помочь?

— А почему бы мне и не помочь?

— Если ты действительно обладаешь даром предвидения, разве раскрытие небесных тайн не навлечет на тебя кару?